

A $\frac{158}{895}$

1896

895

234

1 н. н. н.

OP-77
11433

ДѢЛО

МУЛТАНСКИХЪ ВОТЯКОВЪ,

ОБВИНЯВШИХСЯ ВЪ ПРИНЕСЕНИИ
ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖЕРТВЫ

ЯЗЫЧЕСКИМЪ БОГАМЪ.

Составлено А. Н. Барановымъ, В. Г.
Короленко и В. И. Суроговымъ

подъ редакціей и съ примѣчаніями

В. Г. Короленко.

МОСКВА.

Тш. „Русск. Вѣд.“, Черныш. пер., д. № 7.
1896.

ДѢЛО

МУЛТАНСКИХЪ ВОТЯКОВЪ,

ОБВИНЯВШИХСЯ ВЪ ПРИНЕСЕНИИ
ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖЕРТВЫ

ЯЗЫЧЕСКИМЪ БОГАМЪ.

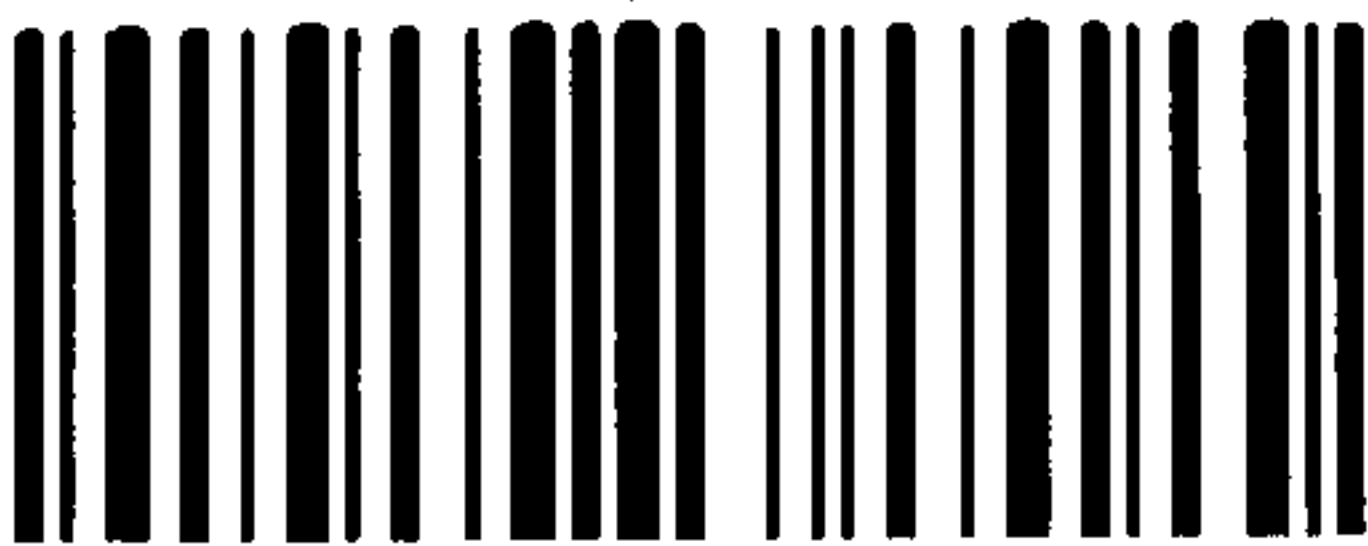
Составлено А. Н. Барановымъ, В. Г. Коро-
роленко и В. И. Суходоевымъ

подъ редакціей и съ примѣчаніями

В. Г. Короленко.

МОСКВА.

Тип. „Русск. Вѣд.“, Черныш. пер., д. № 7.
1896.

2007237507

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Село Старый Мултанъ, населенное вотяками, расположено въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи. Въ Мултанѣ около 80 дворовъ, жители его уже около ста лѣтъ исповѣдуютъ православіе, около 50 лѣтъ село составляетъ центръ православнаго прихода, такъ какъ въ немъ построена (по иниціативѣ самихъ вотяковъ) церковь, и лѣтъ двадцать уже существуетъ церковно-приходская школа. Какъ видно изъ плана, приложеннаго въ концѣ этого отчета, на сѣверъ изъ Мултана расходятся три дороги: лѣвая—въ Кузнерку, средняя—въ Талавыль и Аныкъ, правая, крайняя,—въ деревню Чуюлю. Всѣ эти поселенія — русскія.

20-го апрѣля 1892 года изъ завода Ныртовъ, Мамадынскаго уѣзда, Казанской губерніи, крестьянинъ Кононъ Дмитриевъ Матюнинъ, занимавшійся сборомъ подаянія, ушелъ въ Малмыжскій уѣздъ, запасшись удостовѣреніемъ личности, а также свидѣтельствомъ о томъ, что онъ, Матюнинъ (хотя на видъ крѣпкій и здоровый), страдаетъ надучею болѣзнію. Черезъ двѣ недѣли, обходя окрестныя деревни, нищій 3-го мая появился въ сосѣдней съ Мултаномъ русской деревнѣ Кузнеркѣ, гдѣ почевалъ у старика Тимофея Саникова (см. стр. 117). Последній замѣтилъ на нищемъ старый азымъ съ синей заплатой, и нищій говорилъ ему, что онъ изъ завода Ныртовъ и страдаетъ надучей болѣзнію. На слѣдующій день нищаго изъ

Ныртовъ, страдающаго надучею болѣзнію, видѣлъ псаломщикъ Богоспасаевъ въ ближней деревнѣ Канкахъ, а къ вечеру съ 4-го на 5-е мая къ сыну Тимоѳея Санникова, Николаю, опять привели на ночлегъ нищаго, который сказалъ, что прошлую ночь провелъ въ домѣ Тимоѳея Санникова, и указалъ самый домъ (см. стр. 118). Этотъ нищій былъ тоже здоровый на видъ, но, по его словамъ, страдалъ надучею болѣзнію, отъ которой лѣчился въ больницѣ села Ныртовъ. Ночь съ 4-го на 5-е мая онъ провелъ у Санникова, а на утро постѣ восхода солнца его видѣли въ дер. Кузнеркѣ два свидѣтеля, крестьяне той же деревни Алексѣй Плотниковъ (см. стр. 121) и Алексѣй Пономаревъ (стр. 122). Первый изъ нихъ видѣлъ какого-то нищаго еще спящимъ на кутникѣ въ домѣ Санникова, второй встрѣтилъ его на утро идущимъ по улицѣ Кузнерки, когда взошло солнце.

Около полудня того же дня (5-го мая) пѣшеходной тропой, соединяющей деревню Аныкъ съ деревней Чульей, шла дѣвочка Марѳа Головизнина. Тропа эта непроѣзжая, пролегаетъ по тонкому болоту, поросшему лѣсомъ, и для прохода на ней настанъ на разстояніи нѣсколько менѣе версты узкій бревенникъ, безъ котораго нога тонетъ въ болотѣ по колѣно и больше. Невдалекѣ отъ рѣчки Люги, на которой стоитъ небольшая мельница-толчея, дѣвочка увидѣла лежащаго поперекъ тропы человѣка. Хотя ей при этомъ пришлось обходить лежащаго, т. е. сойти съ бревенника въ топъ, но, по ее словамъ, она не замѣтила, живъ ли этотъ человѣкъ или мертвъ, потому что онъ былъ *покрытъ азамомъ*.

Назадъ она пошла на слѣдующій день, 6-го мая, и на этотъ разъ увидѣла ясно, что у человѣка, лежащаго на тропѣ, нѣтъ головы, такъ какъ кто-то въ этотъ про-

Межутокъ азымъ съ мертвого откинулъ (см. стр. 4, обвинит. актъ). Дѣвочка разсказала объ этомъ въ Чульѣ. Кто первый явился къ трупу—неизвѣстно, но только 7-го мая прибывшій урядникъ Сокольниковъ констатируетъ, что кругомъ слѣды затоптаны совершенно. Урядникъ объясняетъ это тѣмъ, что сосѣдніе (русскіе) крестьяне искали голову. По словамъ урядника (см. стр. 50 и примѣчаніе) у трупа за плечами на лямкахъ холщевая котомка, за которой между лямками задѣланъ черный, крестьянскаго сукна азымъ съ большимъ откиднымъ воротникомъ. 9-го числа прибылъ приставъ Тимоѣевъ. Въ своемъ донесеніи слѣдователю онъ отмѣтилъ, что при трупѣ найдено удостовѣреніе Пыртинскаго сельскаго старосты о личности убитого — Конова Дмитріева Матюшина, а также свидѣтельство, что онъ страдаетъ надучей болѣзною. Въ томъ же донесеніи приставъ писалъ, что имъ, приставомъ, замѣчена впереди трупа *на щепкахъ кровь*. Затѣмъ, въ показаніи, данномъ судебному слѣдователю, приставъ констатируетъ странное обстоятельство: по его словамъ, трупъ былъ одѣтъ *въ азымъ на рукавахъ* и за плечами *котомка* (см. стр. 41). О крови на щепкахъ здѣсь уже нѣтъ рѣчи, наоборотъ, когда при поискахъ попяты вотяки сами стали приносить окровавленные щепки изъ разныхъ мѣстъ, указывавшія на кровяной слѣдъ по направленію къ Аныку, то приставъ счелъ возможнымъ уничтожить эти вещественныя доказательства, какъ ничего не значащія, не занеся объ этомъ въ протоколъ (см. стр. 46 и 47). Замѣчательно, что на странныя маннуляціи съ азымомъ ни полиція, ни слѣдственные власти не пожелали обратить вниманія, но еще замѣчательно, что до вскрытія трупа (которое, несмотря на теплое время, произошло лишь черезъ мѣсяць, 4 іюня) никто также не замѣтилъ отеутетвія у трупа грудныхъ внутренно-

стей. Нужно обратить вниманіе, что при-
ставъ зачѣмъ-то счелъ нужнымъ раздѣть
трупъ и положить его голымъ въ яму
уже на мултанской землѣ. И даже
при раздѣваніи, произведенномъ имъ соб-
ственноручно, онъ не увидѣлъ, что у
трупа вырѣзано, (подъ кожей спины), 5
грудныхъ позвонковъ и изъ грудной поло-
сти вынуты сердце и легкія! У слѣдовате-
ля свидѣтель объяснялъ это странное об-
стоятельство тѣмъ, что „внутри отверстіе
отрѣзанной головы представляло *массу*
запекшейся крови, и самый обрѣзъ также
обвѣтрѣлъ и началъ чернѣть“ (см. стр.
44, примѣчаніе). Но тутъ обращаетъ вни-
маніе слѣдующее обстоятельство: если бы
внутренности были вынуты ранѣе, то яс-
но, что отверстіе, и безъ того широкое,
должно было расшириться еще болѣе, и
ужь во всякомъ случаѣ *запекшейся крови*
въ немъ остаться не могло.

Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ эти
указанія,—что кто-то прикасался къ тру-
пу уже на тропѣ, что кто-то мѣнялъ уже
здѣсь положеніе его одежды, что отсутствіе
грудныхъ внутренностей не было замѣчено
сразу ни полиціей, ни понятыми, что слѣ-
ды около трупа могли принадлежать не
искавшимъ голову, а и самимъ убійцамъ,
что щепки съ подозрительными пятнами
вели не къ Мултану, а къ Аныку, что, на-
конецъ, одинъ изъ русскихъ (мельникъ
Оома Цербаковъ) выказывалъ нѣкоторые
признаки знанія этого дѣла и кричалъ,
что „это дѣло русское“ (см. стр. 45 и
46)— слѣдствіе закрываетъ глаза на всѣ
эти обстоятельства и, подъ непосредствен-
нымъ руководствомъ товарища прокурора
г-на Раевского, направляется въ сторо-
ну обвиненія мултанцевъ въ принесен-
іи нищаго въ жертву языческимъ бо-
гамъ. Въ первые дни вплоть до вскры-
тія, какъ мы видѣли, никто еще не
зналъ, что у трупа отсутствуютъ груд-
ныя внутренности, значитъ—одно отсутст-

віе головы уже наводитъ на мысль, что это—жертва вотяковъ. Первые высказываютъ это кто-то изъ русскихъ; но вѣдь можетъ быть это только попытка направить слѣдствіе по ложному слѣду со стороны тѣхъ самыхъ „русскихъ“, о которыхъ кричалъ выпившій мельникъ! И однако съ этихъ поръ всѣ слѣдственные дѣйствія принимаютъ характеръ не разслѣдованія дѣла, а лишь „отысканія доказательствъ“ виновности вотяковъ. Кто изъ русскихъ былъ около мѣста нахожденія трупа утромъ 5-го мая? Кто первый увидѣлъ его послѣ Марѣи Головизниной, кто откинулъ азымъ съ его головы, кто засунулъ азымъ за ляжки, кто надѣвалъ его опять въ рукава?.. Не могла ли наконецъ та же рука, которая производила эти манипуляціи—найти случай для вынутія внутренностей (черезъ шею!) въ длинный промежутокъ между первымъ осмотромъ трупа приставомъ Тимоѣевымъ (не замѣтившимъ отсутствія грудныхъ внутренностей и видѣвшимъ въ отверстіи шеи запекшуюся кровь) и вскрытіемъ (черезъ мѣсяць!) того же трупа, обнаружившимъ огромныя поврежденія, сдѣланныя однако зачѣмъ-то *подъ кожей*,—все это вопросы, на которые слѣдствіе не дастъ ни малѣйшаго отвѣта, оставляя широкое поле для догадокъ.

Мы не станемъ излагать здѣсь слѣдствіе шагъ за шагомъ. Нельзя, однако не обратить вниманія на одну его черту: несмотря на то, что оно велось съ первыхъ шаговъ подъ непосредственнымъ руководствомъ тов. прокурора г-на Раевского, который, какъ бывший врачъ, безъ сомнѣнія хорошо понимаетъ значеніе своевременности вскрытія и быстроты въ анализахъ, напримѣръ, кровяныхъ пятенъ,—мы видимъ, что все слѣдственное производство отличается необыкновенной медленностью именно въ той его части, которая, при должномъ вниманіи, могла бы доставить самый точ-

ный и цѣнный матеріалъ для заключеній. Такъ, трупъ выкидываетъ вскрытія ровно мѣсяцъ (съ 4-го мая до 4-го іюня). Далѣе: у вотяка Моисея Дмитріева находятъ корыто со слѣдами крови. Такъ какъ такое корыто имѣется въ каждомъ вотьскомъ домѣ для поварскихъ цѣлей, и слѣды крови на немъ, понятно, не рѣдкость, то очевидно особенно важна немедленная отправ-ка его для анализа, который лишь одинъ можетъ установить—кровь ли это домаш-нихъ животныхъ или человѣка? И однако это важное доказательство выдерживается четыре мѣсяца до отсылки въ соответ-ствующія учрежденія для анализа. То же видимъ мы относительно полога и одежды Кузьмы Самсонова, которая посылаются для анализа лишь тогда, когда кровяные шарикъ уже основательно распались и анализъ не можетъ дать никакихъ резуль-татовъ. Таково отношеніе ко всѣмъ веще-ственнымъ доказательствамъ въ дѣлѣ, которыя, понятно, и не даютъ никакихъ результатовъ. Производя нѣкоторое вне-чатлѣніе при чтеніи обвинительнаго акта, они теряютъ всякое значеніе тотчасъ же, какъ только къ нимъ приступить ближе. Такъ, напримѣръ, земляной полъ въ шалашѣ Моисея Дмитріева оказался сырымъ. Обви-нительный актъ видитъ въ этомъ слѣды смытой крови. Но анализъ, даже спектраль-ный, этихъ слѣдовъ не открываетъ, и самый актъ осмотра даетъ весьма удовлетвори-тельное объясненіе сырости пола: въ крышѣ шалаша имѣлась дыра, въ которую за зиму навалилось снѣгу. Въ апрѣлѣ снѣгъ обра-тился (въ закрытомъ помѣщеніи) въ ледя-ную кору. Къ маю отъ нея осталась толь-ко сырость.

При столь невнимательномъ отношеніи къ точнымъ даннымъ, которыя могли бы дать очень существенныя доказательства, —слѣдствіе является чрезвычайно внима-тельнымъ ко всевозможнымъ толкамъ и слухамъ, частію неизвѣстно откуда исходя-

щимъ; частію же порожденнымъ самимъ дѣломъ и его 29-ти-мѣсячнымъ производствомъ. Нѣкоторыя улики, слишкомъ тонкія, въ родѣ, напримѣръ, выраженія лица, смущенія и т. д., доставлены слѣдствію спустя очень много времени послѣ происшествія. Такъ, напримѣръ, лишь черезъ 7 мѣсяцевъ послѣ событія Емельянъ Щербаковъ вспоминаетъ, что около этого дня онъ встрѣтилъ вотяка Моисея Дмитріева, который везъ что-то закрытое пологомъ и „измѣнился въ лицѣ“ при встрѣчѣ. Какія-то полупризнанія, невольныя и неточно формулируемыя на судѣ, фразы, срывающіяся съ языка во время ссоры двухъ бабъ и передаваемые изъ устъ въ уста по деревнѣ, болтовня въ кабацѣ выпившаго причетника, повторяющаго мѣстные толки, порожденные громкимъ слѣдствіемъ,—все это занимаетъ слишкомъ видное мѣсто въ показаніяхъ свидѣтелей обвиненія. Свидѣтелей же защиты, по ея спеціальному вызову, въ оба засѣданія по мултанскому дѣлу—*не было вовсе*. Невѣжественные вотяки пропустили семидневный срокъ послѣ врученія обвинительнаго акта, и сарапульскій окружный судъ, воспользоавшись своимъ формальнымъ правомъ, отказалъ защитѣ во всѣхъ ея просьбахъ о вызовѣ свидѣтелей, хотя показанія многихъ изъ нихъ имѣли бы самое существенное значеніе и могли бы установить совершенно новыя обстоятельства.

Нельзя также не отмѣтить, что слѣдствіе не сдѣлало ничего, чтобы разсѣять противорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтелей, о томъ, гдѣ убитый нищій провелъ ночь съ 4-го на 5-е мая. Одна группа свидѣтелей, кузнерскіе крестьяне, констатируетъ, что нищій ночевалъ на 5-е мая въ Кузнеркѣ. Признаки, которые они указываютъ, очень точны: это происхожденіе изъ Ныртовъ и надучая болѣзнь при здоровой наружности. Другая группа, показанія которой однако сбивчивы относительно времени,

основывается лишь на сходствѣ одежды убитаго съ одеждой нищаго, котораго вечеромъ 4-го мая они будто бы видѣли въ Мултанѣ. Замѣчательно однако, что и одинъ изъ кузнецевъ, Тимоѣей Санниковъ, очень опредѣленно указываетъ тоже на полное сходство одежды убитаго нищаго съ одеждой того нищаго, который ночевалъ у него въ роковую ночь. Сынъ его Николай въ этомъ отношеніи противорѣчитъ отцу. Противорѣчіе могло бы разъясниться показаніемъ Алексѣя Пономарева, который у слѣдователя сказалъ опредѣленно, что онъ тоже *замѣтилъ азіата нищаго* (см. стр. 123, примѣчаніе). Такимъ образомъ показанія этого третьяго, совершенно неприкосновеннаго къ дѣлу свидѣтеля, русскаго, легко могло бы разрѣшить возникшее противорѣчіе. Въ высшей степени характерно для слѣдствія по мултанскому дѣлу, что этому послѣднему *свидѣтелю азіата убитаго предъявленъ не былъ* и противорѣчіе осталось неразъясненнымъ!

Оставляя пока въ сторонѣ остальные черты слѣдствія, въ родѣ очень странной роли въ немъ пристава г. Шмелева, производившаго вторично, черезъ 15 мѣсяцевъ, новое слѣдствіе, съ обысками, арестами и передопросомъ уже опрошенныхъ слѣдователемъ свидѣтелей,—я предоставляю оцѣнку достовѣрности всего матеріала внимательнымъ читателямъ и специалистамъ. Въ такомъ видѣ, односторонность и неполнота котораго признана впоследствии сенатомъ, дѣло поступило въ декабрѣ 1894 года на разсмотрѣніе суда присяжныхъ въ гор. Малмыжѣ. Отчетъ объ этомъ засѣданіи, помѣщенный въ газетѣ *Казанскій Телеграфъ*, рисуетъ очень типичную картину суда на восточной окраинѣ Европейской Россіи. Характерно при этомъ, что обвинитель г. Раевскій въ началѣ своей рѣчи обратился къ присяжнымъ со слѣдующими словами: „Извѣстно, господа, что евреи часто убиваютъ дѣтей, на крови которыхъ

приготовляютъ насхальные опрѣсноки“ (*Казанскій Телеграфъ*, 24-го янв. 1895, № 595), а председатель г. Горицкій дважды устанавливалъ передъ присяжными невѣрныя данныя (тамъ же, а также изложено въ жалобѣ защитника); кромѣ того, какъ въ обвинительномъ актѣ, такъ и на судѣ были допущены „слухи, неизвѣстно откуда исходящіе“. На этомъ основаніи сенатъ (по жалобѣ защитника подсудимыхъ М. І. Дрягина) призналъ слѣдующее:

„По разсмотрѣніи протокола засѣданія суда по дѣлу, замѣчаній, сдѣланныхъ на этотъ протоколъ защитою, и постановленія суда на означенныя замѣчанія видно, что 630 ст. Уст. угол. судопроизводства была нарушена, во-1-хъ, тѣмъ, что защита была стѣснена при допросѣ свидѣтеля (Пивоварова), такъ какъ защитѣ было предложено допрашивать этого свидѣтеля не по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, а только по тѣмъ, для удостовѣренія которыхъ свидѣтель былъ вызванъ; во-2-хъ, тѣмъ, что защитникъ былъ лишенъ права предъявить присяжнымъ засѣдателямъ, во время судебного слѣдствія, тѣ указанія и разъясненія, какія онъ считалъ нужнымъ сдѣлать по поводу вещественныхъ доказательствъ, ибо защитнику было предложено сдѣлать это во время преній сторонъ и, въ-3-хъ, тѣмъ, что просьба защитника о разъясненіи присяжнымъ вопроса, откуда взяты были приобщенныя къ дѣлу сѣдые волосы, осталась безъ удовлетворенія. Между тѣмъ, разъясненіе сего вопроса о значеніи волосъ было особенно важно въ виду того, что волосы были находимы при обыскахъ въ разное время и притомъ весьма отдаленное отъ дня смерти Матюнина. Нарушено требованіе 718 ст. Уст. угол. суд., и это не опровергается ни протоколомъ засѣданія суда, ни постановленіемъ его на замѣчанія защиты. Нарушеніе сего закона заключалось въ томъ, что многіе свидѣтели давали на судѣ показанія свои по слухамъ.

Допущеніе этого нарушенія, признаваемаго правительствующимъ сенатомъ существеннымъ (рѣш. правит. сен. 1870 г. № 147; 1872 г. № 926 и мн. др.), подтверждается также и сущностью показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, занесанныхъ въ обвинительный актъ. Независимо отъ этого не опровергается указаніе защитника на то, что не всегда предсѣдавшій въ судѣ руководилъ засѣданіемъ по дѣлу и, что неоднократно товарищъ прокурора прерывалъ защитника при допросѣ свидѣтелей и при представленіи объясненій присяжнымъ заседателямъ (!). Между тѣмъ, настоящее дѣло требовало, чтобы со стороны предсѣдателя были приняты всѣ мѣры для возможнаго разъясненія дѣла и для правильнаго и спокойнаго разрѣшенія онаго, такъ какъ нельзя не признать, что *и въ обвинительномъ актѣ не было ясно и точно установлено самое существованіе между воителями человеческихъ жертвоприношеній* и не были указаны съ достаточною полнотою фактическія основанія для обвиненія каждаго изъ 11 подсудимыхъ въ тяжкомъ, влекущемъ за собою уголовное наказаніе, преступленіи. Въ виду вышесказаннаго, не усматривая другихъ указанныхъ въ жалобѣ нарушеній, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ заседателей и приговоръ окружнаго суда по сему дѣлу въ отношеніи обвиненныхъ лицъ отмѣнить, предписавъ суду указомъ разсмотрѣть дѣло вновь, въ другомъ составѣ присутствія, въ другомъ ближайшемъ отъ мѣста нахожденія подсудимыхъ и свидѣтелей городѣ, напримѣръ, Елабугѣ“.

Къ сожалѣнію и послѣ этихъ весьма внушительныхъ указаній сената дѣло, назначенное къ слушанію въ Елабугѣ, предстало на судъ присяжныхъ все въ томъ же одностороннемъ видѣ: въ распорядительномъ засѣданіи, заслушавшемъ новыя просьбы защиты о вызовѣ свидѣтелей, --принять

участіе прежній предсѣдатель г. Горицкій, и опять судъ отказалъ защитѣ въ вызовѣ всѣхъ указанныхъ ею свидѣтелей, огуломъ, не исключая даже такихъ, право на вызовъ которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Затѣмъ, вмѣсто указанного защитой эксперта Богасевскаго, высказывавшагося въ печати противъ существованія обычая человѣческихъ жертвоприношеній,—оказался вызваннымъ экспертъ г. Смирновъ, мнѣніе котораго было завѣдомо въ пользу обвиненія. Въ концѣ мы приводимъ мотивы вторичной кассациі дѣла въ сенатѣ, а пока, приступая къ изложенію отчета, считаемъ нелишнимъ указать читателю, что онъ встрѣчаетъ въ немъ судебный матеріаль, явная односторонность и пристрастность котораго дважды признана высоко компетентнымъ учрежденіемъ. Съ своей стороны считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно самаго отчета. Онъ составленъ общими усиліями моими и двухъ моихъ товарищей, корреспондентовъ мѣстныхъ газетъ, А. Н. Баранова и В. Н. Суходоева. Въ теченіе трехдневнаго засѣданія мы старались записать все происходившее слово въ слово, а затѣмъ, свѣривъ свои записи, мы свели ихъ въ одинъ отчетъ. Такимъ образомъ неизбѣжныя пробѣлы одного покрывались записями у другихъ, и отчетъ, хотя далеко не стенографическій, вышелъ все-таки довольно точнымъ. Нѣкоторая шероховатость иныхъ рѣчей и показаній объясняется тѣмъ, что, поневолѣ пропуская все несущественное, служившее лишь для округленія періодовъ, мы не позволяли себѣ (особенно же въ судебномъ слѣдствіи и экспертизѣ) прибавлять что бы то ни было къ написанному въ черновыхъ. Мнѣ принадлежитъ окончательная редакція отчета по записямъ и всѣ примѣчанія.

По поводу экспертизы проф. Смирнова считаю нужнымъ прибавить, что его взгляды на данный вопросъ опровер-